

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1946

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ

Никитин С. — Русская политика на Балканах и начало Восточной войны	3
Смирнов И. — О путях исследования русского централизованного государства (по поводу статьи проф. П. П. Смирнова)	30
Мавродин В., проф. — Несколько замечаний по поводу статьи П. П. Смирнова «Образование русского централизованного государства в XIV — XV вв.»	45
Юшков С. — К вопросу об образовании русского государства в XIV — XVI вв. (по поводу статьи проф. П. П. Смирнова)	55
<u>Мирошевский В.</u> — Хосе-Гаспар Франсиа — вождь парагвайской революционной демократии (1814—1840)	68
Неусыхин А. — Эволюция собственности и свободы в родоплеменном и варварском обществе	82

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Сидоров А., проф. — Библиотека внешней политики «История дипломатии». Том II. Дипломатия в новое время (1872 — 1919)	100
Ростовский С. — Библиотека внешней политики. «История дипломатии». Том III. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919—1939)	107
Толстов С., проф. — Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского	113
Тихомиров М. — Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского	124

РЕЦЕНЗИИ

Покровский С., проф. — Мордвинов Н. Избранные произведения	129
Елифанов П. — Доклады и сообщения исторического факультета. Вып. I	134
Горянов Б. — «Византийский сборник». Издательство Академии наук СССР М.—Л. 1945	136
Бушуев С., проф. — Рапп Дж. Колебания в русско-австрийской дружбе 1876—1878 гг.	140
Яцунский В. — Новые работы по истории картографии США	143

ХРОНИКА

Шунков В. — Институт истории Академии наук СССР в 1945 году	146
Дружинин Н. — Заседание памяти декабристов	149
Семёнов В., проф. — Защита диссертаций в Московском государственном педагогическом институте имени Лезина	151
Анпилогов Г., Верховень Б. — О дипломных работах студентов отделения истории СССР исторического факультета Московского ордена Ленина государственного университета имени М. В. Ломоносова	154
Историческая наука за рубежом	156

Мирошевский (Полонский) Владимир Михайлович

1900, Одесса, — 6.08.1942, д. Кипячка Сухиничского р-на Калужской обл.
исследователь стран Латинской Америки, преподаватель Моск. гос. ун-та;
батальонный комиссар 1313-го с.п. 173-й с.д.,
ответственный редактор дивизионной газеты «Боевое знамя»

ХОСЕ-ГАСПАР ФРАНСИА — ВОЖДЬ ПАРАГВАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ (1814 — 1840)

I

Вооружённая борьба народов Испанской Америки за свою независимость, за свержение испанского господства (1810—1826) протекала в основном под руководством креольской¹ землевладельческой аристократии. Боливар, Сан-Мартин, Пуэйрредон и большинство других лидеров испано-американского сепаратизма представляли интересы креольских помещиков и плантаторов, добивавшихся свободной торговли с иностранными державами и потому стремившихся к отделению от метрополии, правительство которой запрещало эту торговлю. Но в то же время они хотели удержать народные массы закрепощённых крестьян — индейцев и рабов-негров — под гнётом докапиталистической, полуфеодальной и полурабовладельческой эксплуатации. Силою обстоятельств креольские сепаратисты были вынуждены принять республиканские принципы; но они отнюдь не были революционными буржуазными демократами якобинского типа; им были близки принципы монархизма, клерикализма и альбократии².

«Южно-американские страны,— заявлял Симон Боливар,— меньше всех других стран в мире пригодны для введения республиканского строя. Разве большинство их населения не состоит из индейцев и негров? Страны, управляемые индейцами и неграми, были бы обречены на гибель»³.

Тот факт, что креольской аристократии принадлежала основная роль в войне за независимость, оказал решающее влияние на всю последующую историю Испанской Америки. Отпадение от метрополии не сопровождалось серьёзными демократическими преобразованиями. Под прикрытием республиканских конституций, принятых испано-американскими странами, сохранилось классовое господство помещиков. Экономическая, политическая и культурная отсталость народов Испанской Америки не была преодолена. Предпосылки свободного развития капитализма на национальной основе не были созданы. Национальная независимость не была прочно закреплена. В течение всего XIX в. иностранные капиталисты постепенно прибирали к рукам жизненные нити экономики испано-американских стран. В период империализма Испанская Америка окончательно подверглась полукOLONИАЛЬНОМУ закабалению.

Лишь в немногих испано-американских странах во время войны за независимость (1810—1826) руководство народными массами на время ускользало из рук креольской аристократии, и только в Парагвае оно ускользнуло надолго — на несколько десятилетий.

¹ Креолы — «чистокровные», не смешавшиеся с индейцами и неграми потомки испанских поселенцев, образовавшие привилегированную верхушку колониального населения.

² Альбократия — господство «белых» (креолов) над «цветными» (индейцами и неграми).

³ Делеша капитана Малинга первому лорду адмиралтейства Мельвиллю от 18 марта 1825 г. «*Britain and the Independence of Latin America, 1812 — 1830. Selected documents from the Foreign Office Archives*». Edited by C. K. Webster, Oxford, Vol. I., p. 521. 1938. В этой депеше английский капитан Малинг, ведший неофициальные переговоры с Боливаром, приводит высказывания последнего по вопросу о политическом строе Испанской Америки.

В течение четверти века (1814—1840) в этой стране стояло у власти революционно-демократическое правительство, опиравшееся на крестьянство и городскую мелкую буржуазию. Был проведён ряд прогрессивных мероприятий, восторженно встреченных народными массами. Парагвай являлся в то время самой передовой страной Испанской Америки — единственной страной, где было до некоторой степени поколеблено классовое господство помещиков.

Главой парагвайского революционного правительства был Хосе Франсиа — один из самых замечательных народных вождей в Новом Свете. Реакционные историки освещают его политику в самом мрачном свете. Тем больше оснований у историков-марксистов критически пересмотреть традиционное истолкование как самой личности Хосе Франсиа, так и истории его правления.

II

Испанская колонизация Парагвая, начавшаяся в 80-х годах XVI в., развивалась крайне медленно. В этой стране не было ничего, что могло бы привлечь значительное количество европейских поселенцев: ни серебра, ни золота, ни алмазов. На испанских картах XVI в. страны, подобные Парагваю, обозначались красноречивой надписью: «Tierras de ningun provecho» («Земли, не приносящие дохода»). Обитавшие в Парагвае индейцы-гуарани жили в условиях первобытно-общинного строя, занимались охотой, рыболовством и примитивным земледелием; накопленные ими запасы были скудны и не возбуждали алчности конквистадоров. Правда, почвенные и климатические условия Парагвая благоприятствовали развитию плантационного хозяйства и скотоводства; но внутриконтинентальное положение страны, связанной с океанскими портами только системой речных путей, крайне удорожало экспорт сельскохозяйственных продуктов. В этом отношении Парагвай не мог конкурировать с колониями на Ла-Плате, непосредственно прилегавшими к Атлантическому океану, в особенности с Буэнос-Айресом. Единственное богатство страны составляли густые заросли дикорастущего дерева yerba mate, высушенные и измельчённые листья которого ещё и в наши дни заменяют чай во многих областях Южной Америки. Но даже прибыльная торговля «парагвайским чаем» соблазняла лишь немногих испанских иммигрантов.

Всё же некоторое количество колонистов осело в Парагвае, обзаведясь поместьями и сурово эксплуатируя покорённых и насильственно обращённых в христианство индейцев-гуарани. Тяжёлое положение индейцев неоднократно толкало их на восстания. Так например в 70-х годах XVI в. среди гуарани появился «пророк», именовавший себя Обераа (Солнечное сияние). В его проповедях обрывки христианского учения своеобразно сочетались с традиционными религиозными представлениями индейцев. Он провозгласил себя «сыном бога-солнца», «младшим братом Христа», призванным спасти своих соплеменников от белых поработителей. Вокруг этого «индейского мессии» сплотились тысячи поклонников, начавших священную войну за своё освобождение. Подавление этого народного восстания потребовало от испанских колонистов больших усилий¹.

С конца XVI в. в юговосточной части Парагвая стали возникать поселения миссионеров-иезуитов. «Общество Иисуса» добились у испанских властей целого ряда привилегий для своих парагвайских миссий. Фактически здесь образовалось своеобразное теократическое государство, лишь номинально подчинённое испанскому губернатору Парагвая и пользовавшееся почти полным самоуправлением. Ни королевские чиновники, ни оветские помещики не допускались на территорию иезуитских поселений.

Здесь вся земля считалась «божьей», т. е. принадлежащей Ордену; всё управление было сосредоточено в руках отцов-иезуитов. Повседнев-

¹ Lopez V. «Historia Argentina», p. 76. Buenos Aires. 1934

ского губернатора и назначил нового — креола Антекеру. Существовавшее в Асунсионе иезуитское учебное заведение было закрыто, иезуитов изгнали из города. Новый губернатор отменил все льготы, которыми пользовались иезуитские миссии. Но вскоре к Асунсиону приблизились испанские войска. Милиция, организованная парагвайскими креолами, была разбита в первых же стычках. Антекера был схвачен и казнён, его сторонники также подверглись суровым репрессиям.

В 1733 г. креолы вторично восстали под руководством Момпо — друга и единомышленника покойного Антекеры. Они убили королевского губернатора и объявили Асунсион «самоуправляющейся коммуной»¹. Городской капитул избрал новых должностных лиц, заменивших испанских чиновников и возобновивших преследования иезуитов. Основываясь на старинных вольностях испанских городов, Момпо в своих выступлениях провозглашал право «коммуны» не подчиняться тираническому правительству. «Интересы и права коммуны, — поучал он своих последователей, — стоят выше, чем права всех установленных властей, в том числе и самого короля». Асунсионская «коммуна» продержалась около двух лет. В 1735 г. королевские войска при поддержке индейцев, ненавидевших креольских помещиков, разгромили созданное повстанцами ополчение и сурово подавили восстание².

Таким образом, антииезуитские настроения креольской знати Парагвая тесно переплетались с её антиправительственными, сепаратистскими тенденциями.

Иезуитские миссии процветали в течение почти двух столетий. Но наступил момент, когда королевское правительство, желая устранить влияние на Испанию римского престола, решило изгнать иезуитов из своих владений. В 1767 г. испанский король Карл III издал указ об изгнании иезуитов и о секуляризации орденского имущества. Миссии иезуитов в Парагвае подверглись разгрому. Принадлежавшая им земля была объявлена частью государственного земельного фонда. Большинство существовавших на территории миссий индейских поселений заустело; часть индейцев переселилась в дремучие леса, подальше от королевских чиновников, другая часть в поисках средств существования разбрелась по всему «светскому сектору» страны.

К началу XIX в. численность населения Парагвая составляла 200—250 тыс. человек. Испанцев (уроженцев метрополии) жило в Парагвае немного — несколько сот человек; это были высшие чиновники и богатые купцы. Креолов насчитывалось несколько тысяч; среди них преобладали помещики, чиновники средней руки, духовные лица, офицеры невысоких чинов. Подавляющее большинство населения составляли крестьяне-индейцы. Имелось также небольшое количество негров-рабов. Городская беднота (мелкие торговцы, ремесленники) состояла из метисов и мулатов, формально равноправных с белыми, а фактически лишённых всех гражданских прав.

Единственным городом, заслуживавшим этого названия, был Асунсион — резиденция парагвайского губернатора; здесь насчитывалось 10—12 тыс. жителей. Остальные города, расположенные на значительном расстоянии друг от друга, представляли собой небольшие посёлки; самый крупный из них, Вильярика, насчитывал около 4 тыс. жителей.

Парагвай составлял часть обширного Лаплатского вице-королевства, административным центром которого был Буэнос-Айрес, один из главных портовых городов Испанской Америки, насчитывавший 40—50 тыс. жи-

¹ Выражение «коммуна» (comun) употреблялось асунсионскими повстанцами «коммунарами» (comuneros) в смысле «городская община» и, разумеется, не имело ничего общего с коммунизмом.

² О восстаниях 1725 и 1733—1735 гг. см. Baez C «Le Paraguay» Paris 1927, p. 15—16; Levene R. «A History of Argentine», p. 68—70 Chapel Hill. 1937, Bertrand J. — T. «Histoire de l'Amérique espagnole». Vol. I, p. 376—377. Paris. 1928, Lopez V. Op. cit., p. 141—142.

телей¹. Парагвай зависел от Буэнос-Айреса и в экономическом отношении: он не имел собственного выхода к морю, и вся его внешняя торговля шла через Буэнос-Айрес; при этом буэносайресские купцы получали львиную долю торговой прибыли. Вследствие этого существовал острый антагонизм между парагвайцами и «портеньосами» — жителями Буэнос-Айреса; этот антагонизм искусно обостряли испанские власти, применявшие принцип «разделяй и властвуй».

Парагвай был одной из самых отсталых провинций Испанской Америки. Вся его промышленность состояла из небольшого количества мелких ремесленных мастерских. В стране не было ни университета, ни газет, ни печатного станка.

Вследствие особых исторических условий колонизации Парагвая (слабый приток белых поселенцев, 200-летнее существование иезуитских миссий) помещичье землевладение не упрочилось здесь в такой мере, как в других испанских колониях. Таких богатых и влиятельных помещиков, какие имелись, например, в окрестностях Буэнос-Айреса, в Парагвае не было. В некоторых его районах (особенно на юговостоке, на территории бывших иезуитских миссий) помещичье землевладение почти не получило развития.

III

Вторжение войск Наполеона I в Испанию (1808) повлекло за собой значительное усиление сепаратистского движения в Испанской Америке. В первой половине 1810 г. богатые и знатные креолы во многих колониях открыто выступили против испанских властей. Они отстранили прежних чиновников, образовали хунты (правительственные комитеты) и организовали милицию, которая начала борьбу с немногочисленными испанскими войсками, сосредоточенными в колониях. В большинстве случаев широкие слои населения (индейцы, негры, метисы, мулаты) не принимали активного участия в этих событиях, так как не доверяли креольским сепаратистам.

Так началась война за независимость Испанской Америки.

В Буэнос-Айресе испанское господство было свергнуто 25 мая 1810 года. Креольская хунта отстранила уроженцев метрополии от всех административных постов и объявила об открытии порта для свободной торговли с иностранными державами. Но о каких-либо социальных реформах не было и речи; ничего не было предпринято для защиты непосредственных интересов крестьянства и городской мелкой буржуазии.

Хунта Буэнос-Айреса разослала по всем провинциям бывшего Лаплатского вице-королевства своих эмиссаров, призывавших население к свержению испанских властей. В июне один из этих эмиссаров, полковник Эспинола, прибыл в Парагвай. Он пытался войти в сношения с креольским патрициатом Асунсиона, чтобы привлечь его на сторону буэносайресской хунты. Но усилия Эспинолы не увенчались успехом. Парагвайские помещики, видевшие в «портеньосах» своих торговых конкурентов, не были расположены поддерживать буэносайресскую хунту, они мечтали о независимости не только от Испании, но и от Буэнос-Айреса. Что же касается народных масс Парагвая, то в их глазах новые правители Буэнос-Айреса были реакционными аристократами, не заслужившими доверия. Эспинола вынужден был убраться из Парагвая, ничего не добившись. Местный губернатор Веласко, назначенный испанским правительством, продолжал спокойно отправлять свои функции. Созванное им 24 июля собрание городских нотаблей из недоверия к Буэнос-Айресу высказалось за сохранение лояльности в отношении Испании. Это имело тем большее значение, что в Парагвае не было испанских войск, и Веласко

¹ О численности и составе населения Парагвая в начале XIX в. см. Fatin C. «Provinces Unies du Rio de Plata», p. 14. Paris. 1856.

мог оставаться у власти лишь постольку, поскольку его поддерживали местные креолы.

Между тем буэносайресской хунте удалось объединить под своей властью большую часть бывшего Лаплатского вице-королевства. Объявив парагвайцев «предателями», она решила подчинить их силою оружия. В октябре 1810 г. в Парагвай вторгся отряд буэносайресской милиции во главе с генералом Бельграно.

Губернатор Веласко при активном содействии парагвайских креолов в свою очередь организовал отряды волонтеров, выступившие навстречу «портеньосам». Эти отряды возглавлялись богатыми и влиятельными асунсионскими креолами Кабальеро, Иегросом и др. Военные действия развернулись в январе — марте 1811 г. и закончились полным разгромом буэносайресской милиции.

После того как была устранена непосредственная опасность подчинения Парагвая ненавистным «портеньосам», креолы решили разделаться и с испанским губернатором. В ночь на 15 мая 1811 г. офицеры парагвайской милиции во главе с Иегросом и Кабальеро арестовали Веласко и объявили о переходе власти к созданному ими «временному правительству» (хунте). С этого момента Парагвай стал фактически независимым государством, хотя формально провозглашения независимости и не последовало¹.

Большинство непосредственных участников майского переворота имело крайне туманное представление о характере государственного строя, который предстояло теперь создать. Их политические цели были в высшей степени расплывчаты. «Один капитан милиции, выделявшийся своим революционным рвением, захотел объяснить своим согражданам, что такое свобода... Он не придумал ничего лучшего, как объявить им, что свобода — это вера, надежда и любовь»².

В июне 1811 г. главари военного переворота создали Национальный конгресс Парагвая, составленный из представителей отдельных округов страны, главным образом из влиятельных провинциальных помещиков-креолов. Выделив из своего состава постоянную хунту, конгресс разошёлся, не выработав для нового правительства никакой политической программы.

Секретарём хунты был избран доктор Франсиа, один из наиболее влиятельных граждан Асунсиона, принимавший деятельное участие как в организации вооружённого сопротивления «портеньосам», так и в подготовке майского военного переворота.

IV

Хосе-Гаспар Родригес де Франсиа родился в Асунсионе в 1758 г. в зажиточной, хотя и незнатной креольской семье. Его отец был выходцем из Бразилии (по некоторым сведениям, французского происхождения); он слыл опытным сельским хозяином и переселился в Парагвай по приглашению местных властей, назначивших его управляющим государственной табачной плантацией. Таким образом, семья Франсиа-старшего, парагвайского чиновника средней руки, не была кровно связана с креольским патрициатом Асунсиона — с этой высокомерной, чванливой и пропиганнсий расовыми предрассудками «элитой».

Юный Хосе-Гаспар воспитывался в одной из монастырских школ своего родного города; затем он поступил в Кордовский университет³,

¹ О событиях, предшествовавших «революции» 15 мая 1811 г., см. Mave J. «Voyages dans l'intérieur du Brésil, contenant aussi un voyage au Rio de la Plata». Vol. II, p. 298—299. Paris. 1816; Un citoyen de l'Amérique espagnole «Révolutions de l'Amérique espagnole», p. 241. Paris. 1819.

² Rengger et Longchamp «Essais historique sur la révolution du Paraguay et le gouvernement dictatorial du docteur Francia», p. 20. Paris. 1827.

³ Кордова — город в провинции Тукуман, входящий в настоящее время в состав Аргентины.

где, по его выражению, «был обречён изучать богословие». В Кордове он, несмотря на свою молодость, вёл уединённый образ жизни и сторонился весёлых и распутных товарищей-студентов, прозавших его мизантропом. Тайком он почитывал запретную литературу — сочинения французских философов-просветителей. Неизгладимое впечатление произвели на него произведения Руссо. «Общественный договор» стал для Хосе-Гаспара новым евангелием. Он интересовался также естествознанием, математикой и астрономией.

По окончании университета Франсиа получил учёную степень доктора канонического права и вернулся в Асунсион. Вопреки настояниям отца, властного и непреклонного человека, он наотрез отказался от церковной карьеры, к которой его подготавливали в Кордове; это повлекло за собой разрыв с семьёй и поставило юного доктора перед необходимостью самостоятельно пролагать себе жизненный путь. Он стал стряпчим, составлял нотариальные акты и прошения, давал юридические советы и защищал интересы своих клиентов перед судом. Он выделялся неподкупностью и бескорыстием — качествами, которые нечасто встречались среди образованных испано-американцев того времени. «Ни один несправедливый поступок не запятнал его деятельность, ни разу он не поколебался выступить в защиту слабого против сильного, бедного против богатого», — писали впоследствии люди, сурово осуждавшие его политические взгляды¹.

Шли годы. Доктор Франсиа вёл замкнутый образ жизни; у него не было ни семьи, ни близких друзей. Он много читал и размышлял. Его домашняя библиотека, насчитывавшая 250—300 книг, считалась самой богатой в Асунсионе.

С годами пришла популярность. Беднота считала его своим заступником и покровителем. Городские нотабли-креолы относились к нему с нескрываемой холодностью и осуждали его «неуживчивость», но признавали за ним право считаться самым образованным человеком в Парагвае. Испанские власти ценили в нём способность разбираться в сложных юридических вопросах и необычайное трудолюбие. Его избрали членом городского капитула², одно время он был алькадом Асунсиона³.

В 1811 г., когда было свергнуто испанское господство в Парагвае, доктор Франсиа был уже не молод: ему исполнилось 53 года.

V

Парагвайский сепаратизм опирался на временный и неустойчивый союз весьма разнородных социальных элементов.

Лозунги сепаратизма находили поддержку среди помещиков-креолов, с одной стороны, и среди широких народных масс — с другой. Бременно те и другие объединились в общем стремлении к независимости от Мадрида и Буэнос-Айреса. Но когда независимость была завоёвана, внутренние противоречия в сепаратистском движении выступили на первый план.

В хунте, избранной в июне 1811 г. Национальным конгрессом, одному только Франсиа были близки интересы народных масс; остальные члены хунты, во главе с её председателем Мергосом, не склонны были ни к каким социальным преобразованиям. Положение крестьян несколько не улучшилось, городские ремесленники и мелкие торговцы попрежнему вели полунищенское существование и не пользовались гражданскими правами. Члены хунты, за исключением Франсиа, проводили время в

¹ Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 9.

² В Испанской Америке существовали органы муниципального самоуправления — городские капитулы (cabildos); их члены избирались на собраниях богатых и влиятельных горожан.

³ Алькад — городской судья.

празднованиях и кутежах; окружив себя кучкой фаворитов, они поощряли взяточничество и казнокрадство. «Герои» майского переворота — креольские офицеры милиции — бесцеремонно вмешивались в государственные дела, выговаривали себе и своим родственникам доходные должности, а члены хунты покрывали их злоупотребления. Милиция, составленная из разного сброда, превратилась в разнузданную, недисциплинированную банду, грабившую население и подвергавшую его всевозможным издевательствам и притеснениям. Каждый прохожий был обязан снимать шапку и кланяться при виде милиционера¹.

Отношения между Франсиа и другими членами хунты вскоре приняли крайне напряжённый характер. Поклоннику Руссо было не по пути с аристократами. В конце 1811 г. он демонстративно подал в отставку и удалился на свою мызу в окрестностях Асунсиона. К нему стали стекаться крестьяне-ходоки со всех концов Парагвая с жалобами на своих притеснителей; являлись и представители асунсионской бедноты. По словам американского реакционного историка Уошборна, «Франсиа особенно благоволил к низшим классам столичного населения; он всячески старался выказать себя борцом за их интересы против богачей, о которых он отзывался с явным неуважением»².

Учитывая сильно возросшую популярность Франсиа, члены хунты пытались примириться с ним и убеждали его вновь занять пост секретаря хунты. В конце 1812 г. Франсиа принял это предложение. Он сделал это потому, что в качестве секретаря правительства имел бы возможность влиять на ход выборов во II национальный конгресс, созыв которого Иегрос и его клика вынуждены были санкционировать ввиду полнейшего беспорядка в государственных делах, плачевного состояния государственных финансов и возраставшего недовольства народных масс.

Конгресс, члены которого избирались всеобщим голосованием, собрался в 1813 году. По словам Уошборна, он представлял собой «пёстрое собрание индейских касиков (старейшин), метисов, моряков речного флота, земледельцев и деревенских лавочников»³. Большинство членов конгресса были сторонниками проведения демократических реформ. Франсиа был их руководителем.

Конгресс провозгласил независимость Парагвая, распустил хунту и назначил вместо неё двух верховных правителей (консулов) — Иегроса и Франсиа. Это было последней попыткой компромисса между аристократической и демократической «фракциями» сепаратизма. Франсиа пока ещё не мог вовсе отстранить Иегроса от власти: глава прежней хунты пользовался большой популярностью среди милиционеров, а Франсиа ещё не успел произвести чистку милиции от элементов, враждебных парагвайской демократии.

В период консульства (1813—1814) был проведён ряд прогрессивных мероприятий, сочувственно встреченных народными массами. Борьба с казнокрадством и упразднение многочисленных синекур позволили несколько упорядочить республиканские финансы. Вмешательству военщины в государственные дела был положен конец. Большинство чиновников, назначенных прежней хунтой, было смещено; их заменили небогатые и незнатные люди — единомышленники Франсиа.

Иегрос, деливший с Франсиа верховную власть, не решался открыто сопротивляться новому политическому курсу, но негласно осуждал своего коллегу и сплачивал вокруг себя недовольных. К этому времени се-

¹ Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 14—15.

² Washburn Ch. A. «The history of Paraguay». Vol. I, p. 189—190. Boston. 1871. Уошборн, будучи послом США в Парагвае в 1861—1868 гг., имел возможность познакомиться с архивными документами, он черпал свои сведения также из рассказов стариков, помнивших времена Франсиа.

³ Ibidem, p. 200.

паратистский энтузиазм парагвайских креолов успел уже остыть. Многие из них с горечью говорили себе, что борьба против «портеносов» (в 1811 г.) была роковой ошибкой и что под властью буэносайресского правительства интересы парагвайской знати были бы обеспечены надёжнее, чем под властью «выскочки», «демагога» и «учёного педанта» Франсиа. Отражая эти настроения, Иегрос настаивал на примирении с Буэнос-Айресом, и только решительное сопротивление «учёного педанта» помешало осуществлению этого предательского плана. Франсиа даже добился ареста и высылки из Парагвая ряда знатных креолов, заподозренных в тайных сношениях с Буэнос-Айресом¹.

В 1814 г. собрался III национальный конгресс Парагвая. Подавляющее большинство его членов были представителями демократических слоёв сельского населения. После горячих прений было постановлено ввиду «чрезвычайных обстоятельств» (опасность помещичьей контрреволюции и вооружённого вмешательства Буэнос-Айреса в парагвайские дела) учредить единоличную диктатуру. Диктатором был избран Франсиа.

Когда стали известны результаты голосования, в некоторых частях столичного гарнизона, находившихся под влиянием Иегроса, началось брожение. Но так как было очевидно, что народные массы поддерживают Франсиа, то реакционные офицеры не решились поднять мятеж. Главнокомандующий милицией генерал Кабальеро лично явился в казармы и несмотря на свою неприязнь к Франсиа уговорил милиционеров подчиниться решению конгресса².

Срок полномочий Франсиа был первоначально ограничен тремя годами. Но собравшийся в 1816 г. IV национальный конгресс, в соответствии с волей большинства народа, провозгласил Франсиа пожизненным главой республики.

VI

Доктор Франсиа руководил Парагваем в течение четверти века — до самой своей смерти, последовавшей 20 сентября 1840 года.

На протяжении всего этого периода Парагвайская республика оставалась под угрозой внутренней контрреволюции и иностранной интервенции. Народные массы должны были напрячь все силы для защиты своих завоеваний. Девиз республики гласил: «Свобода или смерть!» («Libertad o Muerte»). Страна была похожа на огромный военный лагерь, вся жизнь которого подчинена интересам обороны.

Тотчас же по приходе к власти Франсиа произвёл радикальную чистку всего государственного аппарата снизу доверху. Все чиновники, преданность которым новому строю внушала сомнения, были отстранены. Их место заняли новые люди: крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы. «При нынешнем строе, — констатировали Ренггер и Лоншан, — они (чиновники. — В. М.) выходят из низших классов общества»³.

Народные собрания («собрания выборщиков») намечали списки кандидатов, из которых верховная власть назначала чиновников⁴. Для всех должностных лиц республики, не исключая и самых высших, было установлено небольшое жалованье, значительно меньшее, чем во времена испанского господства.

Государственное управление было строго централизовано. Франсиа носил звание верховного правителя (el supremo); он объединял в своих руках все виды высшей власти (законодательной, исполнительной и судебной) и возглавлял вооружённые силы республики. После 1816 г. национальные конгрессы ни разу не собирались. Государственный совет,

¹ Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 23—25.

² Ibidem, p. 29—30.

³ Ibidem, p. 179.

⁴ «Сын отечества» № 7 за 1825 г., стр. 277. «О новейшей истории и нынешнем состоянии Южной Америки. Парагвай».

между членами которого было распределено текущее руководство отдельными ведомствами, нес ответственность только перед верховным правителем.

Вся страна была разделена на 20 областей (comandancias), каждая из которых в свою очередь делилась на округа (partidos). Управляли ими областные и окружные начальники, назначенные центральной властью и ответственные только перед нею.

Деятельность всех должностных лиц подвергалась тщательному контролю. Малейшие упущения влекли за собой суровые взыскания. Взяточничество и казнокрадство преследовались беспощадно ¹.

Опираясь на широкие массы крестьянства и городской мелкой буржуазии, правительство Франсиа повело борьбу с крепостническими порядками. Половина помещичьей земли была конфискована без выкупа и объявлена национальным достоянием (1826). Значительная часть образованного таким образом государственного земельного фонда была разделена на мелкие участки, которые сдавались крестьянам в вечную аренду за низкую плату, с условием чтобы арендаторы обеспечили тщательную обработку земли и разведение скота. Ренггер и Лоншан отмечали: «Аренда участка окружность в четверть квадратной мили обходится не больше 1½ пиастров; между тем мы платили более чем вдвое дороже за наём лачуги в несколько квадратных сажен (toises), служившей нам пристанищем на охоте» ².

Та часть национализированной земли, которая не сдавалась крестьянам в аренду, отошла под государственные животноводческие фермы, получившие название «отечественных поместий» (estancias de patria). Управление ими было возложено на специальных чиновников, деятельность которых тщательно контролировалась правительством. Сам Франсиа часто просматривал отчеты этих чиновников и давал им указания. Государственные животноводческие фермы поставляли коней для кавалерии и мясо для продажи на рынках по фиксированным ценам.

Правительство вело борьбу с косностью и рутинной в сельском хозяйстве. В принудительном порядке вводились новые сельскохозяйственные культуры: рис, маис, высшие сорта маниоки, различные овощи, хлопок и др. После того как в декабре 1819 г., незадолго до сбора урожая, саранча уничтожила посевы в самых плодородных районах страны, правительство предписало немедленно произвести перепашку и вторичный посев; это мероприятие, не имевшее прецедентов в истории Парагвая, увенчалось блестящим успехом и доказало, что в стране можно снимать два урожая в год. Этот урок был в дальнейшем учтён парагвайскими земледельцами, почти повсеместно перешедшими к двухпосевной системе ³.

Много внимания уделялось развитию ремесленной промышленности. Впервые за всю историю Парагвая было налажено массовое изготовление «пончо» (плащи), шерстяных одеял и различных кожаных изделий. Были построены государственные заводы: пороховой и оружейный ⁴.

Торговля подвергалась строгой регламентации. В 1821 г., в ответ на попытку столичных купцов резко повысить хлебные цены был введён максимум; в следующем году он был распространён на все товары широкого потребления ⁵.

Парагвайские купцы, ведущие внешнюю торговлю, должны были получать лицензию на каждую партию экспортируемого товара. Вывоз производился через определённые пограничные пункты, под строгим контро-

¹ Об административной системе Парагвая см. Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 35, 174, 251.

² Ibidem, p. 246.

³ Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 66—69.

⁴ Ibidem, p. 70—71.

⁵ Ibidem, p. 211.

лем специальных чиновников. Лицензии выдавались лишь тем купцам, которые принимали на себя обязательство доставить из-за границы оружие и другие военные материалы для парагвайской армии. Иностранцы купцы, как и вообще все иностранцы, не имели права приезжать в Парагвай¹.

Правительство заботилось о народном просвещении. Было введено обязательное первоначальное школьное обучение. Существовавший в Асунсионе духовный семинарий был закрыт; вместо него были созданы военная школа для юношей и институт для девиц из небогатых семейств. По свидетельству Ренггера и Лоншана, в Асунсионе редко можно было встретить человека, который не умел бы читать и писать².

VII

Прогрессивные мероприятия, проведённые правительством Франсиа, вызывали крайнее недовольство реакционных элементов: богатых крепостных помещиков, представителей высшего духовенства, зажиточных купцов, бывших испанских чиновников. Они мечтали о свержении революционной диктатуры. Правительство Буэнос-Айреса через своих тайных агентов вело подрывную работу в Парагвае, сплачивало силы парагвайской реакции, инспирировало контрреволюционные заговоры. Так например в 1817 г. из Буэнос-Айреса в Асунсьон прибыл полковник Вальта-Брагас с заданием использовать недовольство местных знатных фамилий для подготовки контрреволюции. Этот тайный эмиссар был разоблачён и арестован; но парагвайским властям не удалось обнаружить все нити заговора.

Контрреволюционная организация продолжала свою деятельность. Через некоторое время она наметила уже и срок переворота — пасхальные праздники 1820 года. Предполагалось, что Франсиа будет убит на прогулке, и это послужит сигналом к мятежу. Но в последний момент заговор был раскрыт. Было арестовано несколько сот заговорщиков, в том числе бывший консул Иегрос и бывший главнокомандующий милицией Кабальеро. Первый из них был расстрелян, второй покончил самоубийством в тюрьме. Было казнено ещё около 40 заговорщиков, остальные были приговорены к тюремному заключению, конфискации имущества и ссылке на принудительные работы.

Новые аресты продолжались ещё в течение нескольких лет. Ренггер и Лоншан, при всей своей неприязни к Франсиа — «деспоту, подвергшему свой народ террористическому режиму», — подчёркивают при этом, что репрессии направлялись главным образом против «зажиточного класса» (*la classe aisée*)³.

К 1824 г. силы внутренней контрреволюции были разгромлены. Народные массы были тесно сплочены вокруг своего правительства. Революционный террор стал стихать. Аресты становились менее частыми; часть политических заключённых была освобождена. К началу 1825 г. в тюрьмах Парагвая насчитывалось не более 500 заключённых, из них политических — около 50⁴.

Франсиа вёл энергичную борьбу с католическим духовенством, тесно связанным с реакционными помещичьими кругами. Тотчас же после провозглашения революционной диктатуры был проведён ряд антиклерикальных мероприятий. Парагвайский епископ, не расположенный к новому строю, должен был уступить свои права заместителю (генеральному викарию), который стал управлять епархией под общим руководством Франсиа. Крестные ходы и ночные службы в церквях были запрещены.

¹ Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 32.

² Ibidem, p. 263.

³ Ibidem, p. 47.

⁴ Ibidem, p. 198.

Впоследствии, в 1824 г., был издан декрет о роспуске монашеских орде-нов; монастырское имущество было конфисковано, а монастыри превра-щены в солдатские казармы.

Франсиа обвинял духовенство в моральном разложении, в склонно-сти к всевозможным интригам, в нежелании подчиняться светским вла-стям. Чтобы яснее выразить, каких принципов он придерживается в отно-шении духовенства, Франсиа однажды сказал Ренггеру: «Если бы сам па-па прибыл в Парагвай, я назначил бы его священником на казённом скла-де»¹. Когда комендант одного пограничного укрепления обратился к пра-вительству с просьбой прислать изображение какого-нибудь сьётого, ко-торый, согласно старинному обычаю, стал бы считаться «покровителем» укрепления, Франсиа ответил ему лаконичной запиской: «Парагваец, до-коле ты останешься идиотом? Когда я ещё был католиком, я думал так же, как ты, но теперь я считаю пушечные ядра лучшими покровителями наших границ»².

Для защиты границ была создана дисциплинированная и хорошо во-оружённая армия. Она состояла из 5 тыс. линейных войск и около 20 тыс. милиции. Командный состав комплектовался из рядовых, прослуживших в течение нескольких лет и обнаруживших выдающиеся военные способ-ности; в большинстве случаев это были люди плебейского происхождения, до своего вступления в армию жившие «в самых жалких условиях»³. Раздача чинов производилась очень скупно и только за действительные заслуги. Во всей армии не больше полудюжины офицеров получили ка-питанские нашивки; все остальные были лейтенантами. Офицерское жа-лованье было невелико — от 16 до 30 пиастров в месяц (рядовые полу-чали 6 пиастров). В строю и в казармах военнослужащие подчинялись строжайшей дисциплине; но вне строя они не подвергались никаким ограничениям и пользовались теми же правами, что и все остальные граждане. Военные упражнения происходили ежедневно с утра до ночи: Франсиа часто присутствовал на них, давал офицерам различные указа-ния и делал им замечания по поводу замеченных им неправильностей в построениях и выправке солдат.

Милиция формировалась по территориальному принципу: милицио-неры каждого округа составляли особую роту под начальством лейтенан-та. В отличие от линейных войск они не носили военной формы. От слу-чая к случаю их собирали на короткий срок. Каждый являлся со своим собственным оружием; тем, у кого не было оружия, выдавались пики. По миновании надобности милиционеров распускали по домам.

В интересах сохранения своей независимости Парагвай вступил на-путь экономической и политической самоизоляции. Внешняя торговля бы-ла ограничена и подчинена бдительному контролю властей; в 1828 г. она была вовсе запрещена. Границы страны были наглухо закрыты; даже поч-товая связь была прервана. Иностранцы, решавшиеся проникать в Параг-вай, подвергались аресту, и в большинстве случаев их больше не выпус-кали из страны. Известный французский ботаник Бонплан, задержанный на границе в 1821 г. и заподозренный парагвайскими властями в шпио-наже, получил возможность покинуть страну лишь в 1830 году⁴. В тече-ние всего этого времени он жил на предоставленной ему ферме, зани-маясь сельским хозяйством и научными исследованиями. В 1823 г. Симон Боливар, глава креольского аристократического правительства Колумбии, через специального курьера отправил письмо Франсиа, угрожая Параг-

¹ Rengger et Longchamp. Op. cit. p. 56.

² Ibidem. p. 288. При всём своём антиклерикализме Франсиа не был атеистом. Он часто повторял: «Веруйте во что хотите, будьте христианами, иудеями, мусульманами, но только не будьте атеистами». Революционный диктатор Парагвая был деистом.

³ Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 33.

⁴ Bealer L. W. «Dr. Francia (South American dictators during the first century of Independence)». Edited by A. C. Wilgus, p. 73. Washington. 1937.

ваю войной в случае, если Бонплан не будет освобождён¹. Франсия не счёл нужным даже ответить на это письмо. В 1825 г. Боливар обещал произвести сразу на два чина тому из своих офицеров, который возьмётся доставить Франсия письмо с предложением обменяться парламентарями. Это поручение вызвался исполнить капитан Руис. В сопровождении 25 солдат он прибыл к пограничному парагвайскому посту. Его люди были тотчас же разоружены, а самого Руиса под конвоем отправили в Асунсион. У дома Франсия ему не разрешили даже сойти с коня; приближённые верховного правителя взяли у него письмо Боливару, а через два часа вынесли ему письменный ответ. Этот ответ гласил: «Португальцы, аргентинцы, англичане, чилийцы, бразильцы и перуанцы уже выражали парагвайскому правительству пожелания, подобные тем, которые высказывает теперь Колумбия. Но результатом этого было лишь повторное подтверждение принципа, который лежит в основе счастливого режима, избавившего Парагвай от разграбления и других бедствий. Этот принцип (самоизоляции.— В. М.) останется в силе до тех пор, пока в Новом Свете не будет восстановлено спокойствие, царившее до появления «революционных» апостолов с масличными ветвями мира, предательски скрывающими кинжалы, при помощи которых эти честолюбцы намерены поразить свободу, от имени которой они выступают. Но Парагвай хорошо знает этих честолюбцев; пока я стою во главе парагвайского правительства, оно не изменит своей системы даже в том случае, если бы ради этой священной цели пришлось взяться за меч Справедливости»².

Система добровольной самоизоляции Парагвая неуклонно проводилась в жизнь до самой смерти Франсия.

VIII

Правление Франсия ознаменовалось проведением целого ряда прогрессивных мероприятий, рассчитанных на улучшение жизненных условий народных масс. Были созданы условия для ускоренного развития производительных сил страны на основе подлинной национальной независимости. В этом отношении Парагвай резко выделялся среди других государств Латинской Америки, в которых у власти стояла креольская помещичья аристократия.

Но вместе с тем политика Франсия характеризовалась мелкобуржуазной ограниченностью и непоследовательностью. Помещичье землевладение, основанное на полуфеодальной эксплуатации крестьянства, не было уничтожено до конца, оно было только ограничено. Франсия громил контрреволюцию, но не добил её. Забившись в потайные щели, она ждала и дождалась своего часа.

Этот час наступил уже после смерти Франсия, скончавшегося от апоплексического удара в 1840 г., в возрасте 82 лет.

Преемником Франсия на посту верховного правителя был Карлос Антонио Лопес (1841—1862). При нём система самоизоляции Парагвая была в значительной степени смягчена; речные порты были открыты для иностранных кораблей. Но правительство следило за тем, чтобы иностранные капиталисты, завязавшие сношения с Парагваем, в точности соблюдали существовавшие здесь законы и чтобы эти сношения не поставили под угрозу независимость страны. Принимались меры к укреплению мелкого крестьянского хозяйства; помещичье землевладение попрежнему подвергалось различным ограничениям. Был также проведён ряд мероприятий в интересах дальнейшего промышленного развития Парагвая.

После смерти Карлоса Антонио Лопеса Национальный конгресс вручил верховную власть его сыну Солано Лопесу. Между тем над Парагваем

¹ Письмо Боливару от 22 октября 1823 г. «Caitas de Bolivar» con notas de Blanco Fontóna, p. 54—55. Madrid. 1921.

² Письмо Франсия от 23 августа 1825 г. опубликовано в работе Lockey J. B. «Pan-Americanism, its beginnings», p. 446—447. New York. 1920.

собирались грозные тучи. Реакционные помещики, господствовавшие в соседних странах Южной Америки, видели в этой республике очаг «революционной заразы». К тому же им внушали опасения быстрый экономический рост Парагвая и его военная мощь. В 1864 г. началась война Парагвая с Бразилией, Аргентиной и Уругваем; эта война продолжалась шесть лет и отличалась необычайным ожесточением. Армия и народные массы Парагвая героически защищали каждую пядь своей земли. Но они не могли противостоять натиску неизмеримо более сильных и многочисленных противников, на сторону которых перешли парагвайские помещики. В 1870 г. Солано Лопес был убит в бою; весь Парагвай был оккупирован войсками коалиции. Победители истребляли парагвайских крестьян десятками тысяч. Страшный голод, пережитый страной вслед за нашествием иностранных войск, в свою очередь унёс огромное количество жертв. Парагвай обезлюдел, как после чумы. В 1865 г. численность его населения составляла около 1 млн. человек, а в 1872 г.— только 250 тысяч. Промышленное развитие Парагвая было подорвано. Победители полностью восстановили классовое господство реакционных парагвайских помещиков. Иностранному капиталу был открыт доступ в Парагвай.

IX

Круг источников по истории Парагвая в период правления Франсиа крайне ограничен. Парагвайские государственные архивы погибли во время войны 1864—1870 гг. В американской и европейской прессе первой половины XIX в. отсутствовала достоверная информация о положении в Парагвае.

Основные источники, находящиеся в распоряжении историков,— это немногочисленные мемуары иностранцев, интернированных в Парагвае во времена Франсиа. Записки английских купцов Джона и Уильяма Робертсон («*Letters of Paraguay*», London. 1838) охватывают период до 1818 г.; записки швейцарских врачей Ренггера и Лоншана («*Essai historique sur la révolution du Paraguay*», Paris. 1827) доведены до 1825 года. Период с 1825 до 1840 г. не нашёл отражения в мемуарной литературе.

Литература о Франсиа довольно обширна. Личность этого незаурядного политического деятеля неоднократно привлекала внимание историков. Большинство буржуазных историков, рисуя портрет Франсиа, не скупались на мрачные краски. Замечательно, однако, что даже некоторые реакционные историки не в состоянии были скрыть глубокого впечатления, производимого на них мощным образом Франсиа. Т. Карлейль видел в парагвайском диктаторе «южноамериканского Кромвеля», «человека железной воли и предприимчивости, великого и сурового труда»¹. В русской литературе положительная оценка Франсиа как борца за интересы народа была дана ещё в 1825 г. декабристом Николаем Бестужевым (см. Н. Бестужев. Статьи и письма. М. 1933).

В последнее время попытка вскрыть социальные корни диктатуры Франсиа была сделана американским историком Боксом. По его мнению, в Парагвае в 1814—1840 гг. господствовали «крестьяне-гуарани, представителем которых был доктор Франсиа»². Бокс считал политику Франсиа антикапиталистической и доказывал, что она была близка к системе «государственного социализма» (state socialism). Эта политика, по мнению Бокса, преследовала цель «помешать развитию или сохранению того комплекса скванных интересов, которые порождаются частной предприимчивостью и в освобождённом виде составляют основу буржуазного строя»³. В марксистской литературе история парагвайской революции не подвергалась ещё разработке.

¹ Carlyle Thomas. «Dr. Francia (Critical and miscellaneous essays)». Vol. III, p. 1—54. London. 1888.

² Box P. H. «The origins of the Paraguayan war». Vol. I, p. 12. Urbane. Illinois. USA. 1927.

³ Ibidem, p. 12.